

менились и ныне. Что особенно делает лавочника столь жестоким, это наряду с его безнадежной тупостью низость, страх и ненасытная жадность. Он мстит за страх, который ему пришлось испытать, и за риск, которому подвергался его кошелек, который вместе с его непомерным тщеславием составляет, как известно, самую чувствительную часть его бытия. Он мстит лишь тогда, когда может сделать это без малейшей опасности для самого себя. Да, но уже тогда он жалости не знает.

Кто знает рабочих Франции, тот знает также и то, что, если где еще сохранились истинные человеческие качества, столь сильно пониженные, а еще больше извращенные в наши дни официальным лицемерием и буржуазной чувствительностью, так сохранились они среди рабочих. Это ныне единственный класс общества, о котором можно сказать, что он действительно великодушен, слишком великодушен порою и слишком забывчив к ужасным преступлениям и гнусным изменам, жертвою коих он был слишком часто. Он не способен к жестокости. Но в то же время в нем есть верный инстинкт, направляющий его прямо к цели; здравый смысл, который говорит ему, что, когда хотят положить конец злодеяниям, нужно сперва парализовать злодеев. Франция, очевидно, была предана, следовало помешать предателям предавать ее еще больше. Вот почему почти во всех городах Франции первым движением рабочих было арестовать и заключить в тюрьмы бонапартистов.

Правительство Национальной Обороны заставило повсюду выпустить их. Кто был не прав – рабочие или правительство? Конечно, это последнее. Оно не только было не право, оно совершило преступление, выпуская их. Почему же, кстати, оно не выпустило в то же время всех убийц, воров и преступников всякого рода, содержащихся в тюрьмах Франции? Какая разница между ними и бонапартистами? Я не вижу никакой, и если она и существует, то она целиком говорит в пользу уголовных преступников и против бонапартистов. Первые воровали, нападали, обижали, убивали отдельных людей. Часть последних совершила буквально те же самые преступления, и все вместе они ограбили, изнасиловали, обесчестили, убили, предали и продали Францию, целый народ. Какое преступление больше? Без сомнения – преступление бонапартистов.

Могло ли бы правительство Национальной Обороны причинить больше зла Франции, если бы

Напитки, доставляемые солдатам (национальной гвардии, разумеется), могли быть отравлены: из предосторожности арестовывали несчастных продавцов лимонада, и пятнадцатилетние маркитантки внушали страх. Гражданам было запрещено показываться у окна и даже оставлять открытыми ставни, ибо шпионство и убийство было там, на страже, разумеется! Лаппа, перемещающаяся за стеклом, отблеск луны на черепице крыши были достаточны, чтобы распространить ужас. Оплакивать ошибки повстанцев; плакать среди стольких побежденных, среди тех, кого любили, никто не сумел безнаказанно. Расстреляли одну молодую девушку за то, что она щипала корпию в лазарете восставших для своего возлюбленного, может быть, для своего мужа, для отца!

Париж в течение нескольких дней имел вид города, взятого приступом. Количество разрушенных домов и зданий с брешами, пробитыми пушечным ядром, свидетельствовали в достаточной мере о могуществе этого великого усилия, сделанного народом, доведенным до крайности. Улицы были перерезаны шеренгами буржуа в мундирах; перепуганные патрули бродили по мостовой... Говорить ли о репрессиях?

«Рабочие! И все вы, кто держит еще оружие, направленное против Республики! В последний раз, во имя всего, что есть почитаемого, святого и священного для людей, сложите ваше оружие! Национальное Собрание, вся нация целиком просит вас об этом. Вам говорят, что вас ждет кровавая месть: это наши враги, ваши враги говорят так! Придите к нам, придите как братья, раскаявшиеся и подчинившиеся закону, и объятья Республики готовы принять вас».

Такова была прокламация, с которой генерал Кавеньяк обратился к восставшим 26 июня. Во второй прокламации, обращенной к национальной гвардии и к армии, он говорил так: «В Париже я вижу победителей и побежденных. Пусть имя мое будет проклято, если я соглашусь видеть в нем жертвы». Никогда, поистине, более прекрасные слова не были произнесены, особенно в подобный момент! Но как это обещание было выполнено, Боже праведный!.. Репрессии во многих местах носили дикий характер: так, пленники, скученные в саду Тюильри, в глубине подземелья на берегу пруда, были убиваемы наудачу пулями, ибо в них стреляли через отдушины; так, пленные были наскоро расстреляны на площадке Грэнель, на кладбище Монпарнас, в каменоломнях Монматра, во дворе отеля Клюни, в монастыре св. Бенуа... так, после окончания борьбы ужасный террор воцарился в разоренном Париже.

Один штрих дополнит картину.

июля, довольно большое количество пленных было взято из подвалов Военной Школы, чтобы быть препровожденными в префектуру полиции и оттуда в форты. Из связали по четверо, руки с руками, очень сильно скрутив веревки. Заметим, так как эти несчастные, истощенные голодом, не могли двигаться, для них принесли миски с супом. Со связанными руками они были вынуждены лечь на животы и ползти к мискам, как животные, при громких взрывах смеха конвойных офицеров, которые называли это социализмом на практике! Этот факт сообщен мне одним из подвергнувшихся этой пытке» (История Революции 1848 г. Луи Блана, т. II).

«Вот какова буржуазная гуманность, и мы видели, как позже правосудие буржуазных республиканцев проявилось в виде высылки без суда, просто как мера общественной безопасности, четырех тысяч трехсот сорока восемью из пятнадцати тысяч арестованных.» – Прим. Бакунина.